

Муниципальное учреждение
Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Петр БУРМИН

Детям о детях

Стихи, поэма

Новокузнецк
2011

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Б 91

Бурмин, Петр Сергеевич

Детям о детях : Стихи, поэма / Петр Бурмин ;
ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ;
Муниципальное учреждение Централизованная
библиотечная система им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий
городской клуб любителей фантастики «Контакт». –
Новокузнецк, 2011 . – 36 с. : портр.

©Бурмин П. С., 2011

Бурмин П. «Автопортрет»

Коротко о себе

Родился я в 1933 году в Алтайском крае.

Два года спустя приехал в Новокузнецк (Сталинск), разумеется, вместе с родителями, которые завербовались на строительство Кузнецкого металлургического комбината.

Я тоже начинал свой трудовой стаж на КМК – сначала электроремонтном цехе, затем в цехе ремонтно-строительных деталей.

На пенсию вышел из строительной фирмы, где работал художником-оформителем.

В шестидесятых годах в газете «Комсомолец Кузбасса» было опубликовано с десяток-другой моих стихотворений, приуроченных к полетам человека в космос.

К тому же времени относятся и мои первые опыты в фантастике.

Минута

Нужно каждую минуту
обязательно беречь.
О минуте, о минуте
поведем, ребята, речь.

О минуте, о минуте
начинаем свой рассказ:
побежали, поскакали
длинноногие от нас.

После этого рассказа –
ведь минуты уж бегут, –
знайте, станете взрослее
вы на несколько минут.

Создается за минуту
стихотворная строка,
что, вполне случится может,
проживет потом века.

Триста тысяч километров,
множенных на шестьдесят –
столько быстрые фотоны
за минуту пролетят.

Из минуток, из минуток
дни и годы состоят,
из минуток, из минуток,
ставших друг за дружкой в ряд.

Если все эти минуты
вместе как-нибудь сложить,

то получится большая
человеческая жизнь.

Разбазаривать минуты –
значит у себя же красть.
И в плохое положение
можно запросто попасть.

Как-то мой сосед до ночи
бегал с клюшкой по двору.
Про домашнее задание
вспомнил только поутру.

Как назло спросил учитель.
Отвечая у доски,
ас хоккейный полюсами
называл материки.

Говорил о Чёрном море,
что в него впадает Нил.
Потому зовется Чёрным,
что вода в нем из чернил.

И ещё один закомый
влип в подобную беду,
потому что этот тоже
был с минутой не в ладу.

Раз с друзьями в лес собрался,
где он не был много лет;
вещи сложены в авоську,
взят заранее билет.

В день отъезда встал всех раньше,
ни минуты не сидел –

торопился, суетился,
но на поезд не успел.

Знал он, что по расписанью
отбывают поезда.
Опоздал лишь на минуту –
не уехал никуда.

Нужно каждую минутой
непрерывно дорожить,
потому что из минуток
состоит вся наша жизнь.

Апрель 1959г.

Новый вариант старой сказки о колобке

Я душистый, сладкий, сдобный,
я румян и белобок –
словом, чудный, бесподобный,
превосходный колобок.

Дульсинея и Одетта
мне встречались на мути,
но пока от той и этой
удавалось мне уйти.

Понапрасну девы эти,
лаской, хитростью маня,
западни, ловушки, сети
расставляли на меня.

Зря они точили зубы,
предрекая мне беду...

От тебя, лисичка-Люба,
я, должно быть, не уйду.
1960

Человек с портфелем

Человек с портфелем
поутру шагает.
Росная тропинка
к школе убегает.

Мудрыми глазами
смотрит на природу:
росы – это дождик
в ясную погоду.

На ручей поющий
смотрит, улыбаясь:
кровь земли родимой,
дескать, голубая.

Юные березки
ветер по привычке
дергает за ветки,
словно за косички.

Нашему герою
восемь лет отроду.
Выучится в школе –
Станет садоводом.

Он садить мечтает
тополя и ели,
чтоб в краю родимом
реки не мелели.

Чтоб клесты потомство
выводили в гнездах,
чтоб в краю родимом
был хороший воздух.

Нашему герою
восемь лет отроду.
Выучится в школе —
Станет звероводом.

Станет он животных
и беречь, и холить;
тех, что нынче в клетках,
выпустит на волю.

У песцов и ласок
Очи человечесьи.
Не позволит людям
он зверей увечить.

Нашему герою
восемь лет отроду.
Выучится — строить
станет он заводы.

Инженером будет
самым настоящим.
Фабрики построит
он без труб чадающих.

Чтоб не уходили
прочь от нас медведи —
дым не любят наши
бурые соседи.

Нашему герою
лет совсем немного.
Выучится – может,
станет педагогом...

Девочки щебечут,
точно в поле галки,
а поверх косичек
прыгают скакалки.

1976

Сказка о детстве

В невозвратно ушедшем
тридесятом году
жили-были мы с Детством,
жили-были в ладу.

Вместе падали на пол
и учились шагать,
вместе недуг внезапный
нас бросал на кровать.

Мы удачей делились,
равно как и бедой.
То про нас говорили:
– Не разлить их водой.

Но куда-то всё делось,
всё ушло без следа...
Мы поссорились с Детством,
разошлись навсегда.

Ночью, теплой и лунной,
на виду у села
повстречалась мне Юность,
за собой увела.

Лаской, светлой мечтою,
взглядом, полным огня,
да косою золотою
соблазнила меня.

Шёл за нею бездумно,
от дождя укрывал,
ветру зимнему дунуть
на неё не давал.

Как на чудо земное
я смотрел на неё...
А дорога за мною
зарастала быльём.

Шёл горами и лесом,
по грязи и пыли.
Ради юной принцессы
я пожёг корабли.

Мог ли знать, что в итоге
в стужу зимнего дня
посредине дороги
Юность бросит меня?

Обманула девица-
золотая коса:
обернулась жар-птицей,
поднялась в небеса.

Ах, куда же ты, Юность?!
Звал её в тишине.
Но она отвернулась,
не вернулась ко мне.
12.19.1978

Малыш и бурундук

Жил Малыш на свете,
жил и был здоров.
Три года от роду.
В лучшем из миров.

Мама в сад водила
утренней порой;
вечерами папа
забирал домой.

Жил у них в квартире,
не пугаясь рук,
самый настоящий
взрослый бурундук.

Очень уж зверюшку
мальчик обожал;
на него и ветру
дунуть не давал.

Он сказал немало
другу нежных слов...
И была взаимной
у друзей любовь.

Но не встал однажды
на ноги зверек:

был ему короткий
жизнью выдан срок.

Мальчик сердцем чуял
страшную беду;
тормошил зверюшку,
предлагал еду.

Не вняла зверюшка
зову в первый раз...
Ливни у ребенка
хлынули из глаз.

Плачь, Малыш. Да будут
слезы впрок тебе;
плачешь не от горькой
жалости к себе.

Не напрасно в мире
ты, Малыш, живешь,
коль беду чужую,
как свою, несешь.

5.02.1980

Гудроновый мир

Лет через двести, может быть, поближе,
не то в предместьях будущей Москвы,
не то в Нью-Йорке, Риме или Париже,
не зная ни деревьев, ни травы,
жить будет Аньчик или просто Аня;
на силовой кровати будет спать;
а утром механическая няня
ей будет в косы ленточки вплетать.

Не нужно будет Ане то и дело
за стол садиться ради живота:
проглотит три таблетки из хлореллы —
и суток трое-четверо сыта.
И трое суток ей по крайней мере
не нужно будет чашки-ложки мыть.
На Марсе, на Луне или Венере
свой школьный отпуск будет проводить.

Но случай, прямо скажем, невеселый,
произойдет с ней на родной Земле...
Однажды утром, поспешая в школу,
увидит щель в асфальтовой смоле...
Пройти захочет, не сбавляя шагу...
Но тут услышит — комаром звеня,
со дна миниатюрного оврага
к ней донесётся:

— Не топчи меня!

Склонившись, с удивлением заметит
на дне овражка гномика она
в сияющем, как солнышко, берете;
его одежда ярко зелена.
— Ой, как ты мал!..

— Кому какое дело,
Что я не вышел ростом?

— Извини.

Тебя обидеть вовсе не хотела...
— Нет у меня ни ближних, ни родни,
Чтоб защитить...

— Но кто ты, сиротинка?

— Последний одуванчик. Мой народ
Давно исчез. — Алмазная росинка
из-под берета наземь упадет...

– Ты плачешь! Дай-ка пожалею, кроха!..
– Не тронь меня: я к ласкам не привык.
На том спасибо – хорошо ли, плохо –
все ж поняла забытый мой язык.
– Язык, что состоит из ароматов?
– Из них...
– Ты знаешь, в школу мне пора.
Я буду приходить к тебе, как к брату...
– Благодарю за доброту, сестра.
– Ты очень мил. Пока. Скучать не надо...

Едва шагов её утихнет трель,
придёт сюда ремонтная бригада,
заделает асфальтовую щель.

Вернется Аня, убежав с урока.
Но одуванчик не найдёт она
и, будучи расправой жестокой
в сердечко самое поражена,
на свежую горячую заплату
она, дрожа всем телом, упадёт
и на могилу названного брата
впервые слезы горькие прольёт.
И это не пройдет для Ани даром...
Родители встревоженные тут
притихшую, пылающую жаром
девчушку поздно вечером найдут.
Кибернетические эскулапы
её в сознание тотчас приведут;
и легкомысленные мама с папой
с понятным облегчением вздохнут.
– Не знаешь, что такое «одуванчик»? –
вдруг спросит мама. Папа ей в ответ:

– Ты всё о том, что лепетала Аньчик...
Известно что – больной ребячий бред.
1980

Сибирский форпост

Наш город юн, как утро на рассвете,
как новобранец, что идёт в строю,
хотя ещё в шестнадцатом столетье
он начал биографию свою.

Заложен первый камень был в те годы,
когда Кузнецкий форт был возведён,
чтоб защитить российские народы
от азиатских кочевых племен.

К нему стекались люди отовсюду –
всяк, кто нуждался в творческом труде;
и город вырастал, подобно чуду,
на антраците, стали и руде.

Новокузнецк в сороковые годы
броню несокрушимую варил,
чтоб защитить российские народы
от западных батыев и аттил.

Один из лучших сыновей России,
культурный и промышленный форпост,
в труде героев черпает он силы,
в грядущее прокладывая мост.

3.06.2000

ВСЕЯД ИЗ ПЛЕЯД

(Фантастические встречи)

Саманте Смит
и её юным современникам
во всём мире
посвящаю

Встреча первая

Друзья – Андрюша и Панас –
любители природы.

Панас закончил пятый клас,
Андрей был младше годом.

Мечтая выудить язя,
глаз не сводили с речки
и не заметили друзья,
как опустился вечер.

Стемнели разом небеса,
на травы выпала роса –
и рыбаки в итоге
до косточек продрогли.

Спеша домой, минули вброд
ручей, бежали лесом...
Вдруг ярко вспыхнул небосвод,
упало что-то с треском...

И под ногами у парней
заколыхалась почва,
как будто шевелился в ней,
проснувшись, некто мощный...

И точно – видят пацаны:
раздвинув мох и комья,

из беспросветной глубины
поднялся незнакомец.

Был тот, кто вылез из земли,
мал ростом, сед и тонок;
понять ребята не могли –
старик или ребёнок.
Он посмотрел на рыбаков
с улыбкою усталой;
одет был в синее трико,
что отливало сталью.

Андрей, уняв испуга дрожь,
задал вопрос нелепый:
– Ты, что ли, под землёй живешь?
Ответил тот: – На небе.
Немного подкачал расчёт... –
С улыбкой простодушной
добавил: – Потому полёт
я кончил под опушкой.
– На Марсе, стало быть, твой дом? –
спросил Панас степенно.
– На Марсе не был; но на нём
побуду непременно.
– И не с Луны?

– Конечно, нет.

Бывал на ней попутно.
Не с прочих Солнечных планет –
ни с малых и ни с крупных.
Хотя и мог бы на любой
из них я жить недурно...
– На всех, на всех?!

– Само собой.

– И даже на Сатурне?

– И на Сатурне, не беда...

Нашёл бы дел по горло...

Сказал Андрей:

– Вот это да!

Сказал Панас:

– Как здорово!

Откуда ты?

– Издалека.

– Тогда летел, небось, века

ты до Земли оттуда?..

– Не более секунды.

Любую бездну без помех

я превращаю в точку;

затем ломаю, как орех,

её я мыслью мощной.

И, где бы ни был – посреди

иль на краю Вселенной, –

я к цели своего пути

переношусь мгновенно.

Мою систему – издали

видна вам визуально –

вы, обитатели Земли,

Плеядами назвали.

– Теперь заняться нам стряпнёй

пришло, ребята, время... –

сказал пришелец, головой

кивая на деревья.

Зажглась ближайшая сосна,

ребят обдало зноем;

спустя мгновение, она

осыпалась золою.

Огонь однако не исчез –

вращался вихрем рыжим;
и тот, кто сверзился с небес,
шагнул к нему поближе,
прочёл заклятья иль стихи
на непонятной речи –
и нечто на траву и мхи
обрушилось из смерча.
Друзья – Андрюша и Панас –
увидели предметы
величиною с ананас,
сияющие светом.

Сказал Седой:

– Ко мне айда
всяк, в чьём желудке пусто:
халла – прекрасная еда,
питательна и вкусна.
Не нужен к ней ни хлеб, ни чай,
как объясненье чуду;
она напомнит невзначай
излюбленное блюдо;
чиста, как горные ключи,
и, как бальзам, полезна;
в ней взбиты звёздные лучи
на синеве небесной.
Халла от жажды вас спасёт
и утолит ваш голод,
болящим бодрость прнесёт
и обогреет в холод.

К сокровищам шагнул Панас;
скосив глаза на друга,
мизинцем тронул «ананас»
и отскочил с испугом.

– Пускаться нечего в бега, –
заметил гномик колко. –
Халла прохладней пирога,
лежащего на полке.
Желудок против пустоты,
будь волчий или птичий.
Не бойтесь – набивайте рты
сей кесаревой пищей.

Халлы попробовав, Панас
воскликнул:

– Гренки первый класс!

Сказал Андрей:

– Ну что ты...

Ты ешь паштет из шпротов...

– Халла – она на вкус любой,
и кажется, – сказал Седой, –
то мясом, то печеньем
по мере насыщенья.

Халлу достойно оценив,
спросил Панас Седого:

– Неужто можно из огня
создать продукт съедобный?

– А разве всё, что за столом
ты ешь, не создано теплом,
ты сам не создан Солнцем? –
ответил гном вопросом. –

Родители заждались вас,
и вам пора подумать,
как вовремя домой попасть,
чтоб обошлось без шума...

– Что толку, – простонал Андрей, –
мозги напрасно мучить...

Давно потёмки на дворе –
не миновать нам взбучки.
– Что опоздали вы домой –
виновен я отчасти,
и потому, – сказал Седой, –
не брошу вас в несчастьи.
Идти заставим время вспять –
всё можно в нашем мире:
вернемся запросто назад
часа на три-четыре.
Подать не бойтесь мне руки.
Вот так. Сейчас отчалим...

И очутились рыбаки
на берегу песчаном.
Сияло солнце с высоты,
У ног плескалась речка.
Но только след уже простыл
седого человечка.
Лишь, удаляясь, до ребят
неслось из Мирозданья:
Я – Сесиселосусеяд.
До скорого свиданья.

Промолвил старший из ребят:
– Домой нам топать надо...
Он, значит, вправду из Плеяд,
и звать его Всеядом.

Встреча вторая

От встречи той – за часом час –
недели миновали...

Друзья – Андрюша и Панас –
сидят на сеновале.

Сидят они не потому,
что такова их воля,
что предпочли свою тюрьму
реке, простору поля.

О путешествиях мечту
лелея, накануне
они поплыли на плоту
и чуть не утонули.

И в тот же день главы семей,
играя судей строгих,
втокнули неслухов-парней
в закуток сей убогий.

Ребятам с ветром по пути,
с мустангом по дороге;
меж тем кукуют взаперти,
сидят, поджавши ноги.

Бездельем мышцы налиты,
закованы, как в латы...

Зато их детские мечты,
как никогда, крылаты.

Сказал, подумавши, Андрей,
меча сиянье из очей:

– Неплохо бы по Сене
проплыть на этом сене.

Вот подивился бы Париж!..

– Тому, что ты курнос и рыж? –
связвил Панас Андрею. –

А я вот не сробею
с такой подстилкой в водопад, –
добавил парень невпопад, –

который Ниагарой...
Ой, что это с хибарой?!.

Сказал Панас, и в тот же час
заколыхалось сено.
И свет на улице погас,
и ночь на сено село.
И будто дальняя гроза
трясла их дрожью мелкой...
Не веря собственным глазам,
глядят ребята в щёлку.
Вверху ущербная Луна
на рожках держит страхи.
Внизу – волна. И бьёт волна
в неструганные плахи.

–Под нами бурный водоём, –
смирившись с чудесами,
сказал Андрей. – И мы плывём...
плывём по этой... самой...
– С ума сошёл один из нас,
а может быть, на пару.
Как мы могли, – сказал Панас, –
свалиться в Ниагару?
Что зашвырнуло нас сюда?
Не нравится мне это...
Андрей, постигла нас беда:
прощайся с белым светом.
Всем, кто сюда бы ни попал,
зевакам на потехи
река ломает черепа,
как грецкие орехи...
– Слышал я про телекинез:
мол, некто силой воли

способен передвинуть вес,
вспахать без плуга поле, —
Андрей товарищу сказал. —
И ты, видать, не тесто...
Раз так, попробуй сеновал
сейчас вернуть на место...

Всё громче раздавался шум;
И далеко не наобум,
а прямиком на скалы
река сенник толкала.
Ещё мгновенье — ветхий сруб
накренился опасно...

— Не надо!.. — с побелевших губ
Слетело у Панаса.

Стояла тёмная пора
американской ночи,
и потому прожектора
светили полной мощностью.
И были в этот поздний час
со смотровых площадок
устремлены десятки глаз
к стихии беспощадной.
Не зря зеваки — стар и мал —
растрачивали время:
с лихвой воздал им сеновал,
попав в их поле зренья.
Уж кто-то бился об заклад,
настаивая цепко:
— Сейчас покажет водопад,
как делаются щепки.

Но то, что должно было пасть,
над пропастью повисло;
и эта странная напасть
пари лишила смысла.

Итак, ревел поток реки...
А там, на водной круче,
стоял законам вопреки
сенник наш злополучный.
Минуту или, может, две
на месте находился,
затем к небесной синеве
внезапно устремился.
Напрасно, злобой налиты,
вослед бросались волны...
Туристы пораскрыли рты,
эмоций разных полны.

Отец Андрюши, на селе
один из «судей строгих»,
пришёл домой навеселе,
улёгся на пороге.
Часок иль пару подремал,
затем, икая сытно,
заковылял на сеновал,
где утром запер сына.
Доковылял до сенника,
а сенника-то тю-тю;
тупая чёрная тоска
сдавила сердце люто.
Тотчас, забыв про сеновал,
пустился по посёлку.
— Мой сын... Андрюшка мой пропал! —
кричал он безумолку.

Бежит – куда девался хмель,
фуражка на макушке;
сам бледный, белый, будто мел,
и мокрый, как лягушка.
Бежал бы, может быть, ещё
да тут упёрся он в плечо,
тугое, как плотина,
могучего детины.
– Данилов, – молвил молодец, –
ещё какую шалость
сегодня выдал твой малец?
– Не знаю, что с ним случилось... –
тот застонал. – Ещё Панас...
Запер я в сенник малых...
И ничего там нет сейчас –
ни их... ни сеновала...

Не знаем, что воскликнул Ной
при мировом потопе...
Кричит один, молчит иной,
когда увязнут в топи.
Обычно, ежели беда
нас бросит в топь иль яму,
мы, где бы мама ни была,
зовём на помощь маму.
Панас однако мать не звал;
когда трухлявый сеновал
возник над водопадом,
он приказал:

– Не надо!

Кому Панас отдал приказ,
он сам не знал, похоже.

Но тотчас дома был Панас,
Андрей конечно, тоже.

Давая резвости пример,
отец и милиционер
бежали очень прытко,
покуда за калиткой
не наскочили на сенник.
Хозяин посерел и сник,
затрясся, точно в стужу,
что недостойно мужа.
Пыхтел и тяжело дышал
от бега участковый,
затем ушёл, чеканя шаг,
не вымолвив ни слова.

А что отец? И он молчал;
открывши настежь сеновал,
он молча, между прочим,
замок в бурьян забросил.
Туда же, в заросли, послал
початую бутылку —
сперва однако почесал
он в области затылка.

Встреча третья

Из-за распахнутых дверей
видны родные дали...
Но ни Панас и ни Андрей
Сенник не покидали.
На тёплый солнечный простор
их звал гусиный гогот.

Но парни, видно, до сих пор
Прийти в себя не могут.

— Я что скажу тебе, Панас... —
Андрюша молвил другу. —
Ты — чудотворец первый класс,
и дело знаешь туго...

Ты можешь учинить пургу
иль что-то в этом духе?

— Да ничего я не могу.

Кончай дурить, Андрюха...

— А Ниагарский водопад?..

— Я ни при чём.

— А кто же?

— Да тот... который из Плеяд...

— Всеяд? Он это может...

— Вы правы, сделал это я... —
Вмешался голос чей-то...

И вновь увидели друзья
седого человечка;

он по ту сторону копны
сидел, не замечаем,
не зная за собой вины,
не ведая печали.

Ещё лукавей и хитрей
была пришельца рожа.

Молчал опешивший Андрей.

Панас спросил:

— Ты что же

домой не улета, Всеяд,
у нас гостил всё время?..

— Отнюдь. Как люди говорят,
нёс человечье бремя.

Да, я без дела не сидел –
трудился в Андромедах.
Вчера на Веге завтрак съел,
у проксимян обедал.
Спешил как бешеный в пути,
чтобы пожать вам руки.
Тут вас увидел взаперти,
страдающих от скуки...
– Понятно, – перебил Панас,
затем добавил с жаром:
– Выходит, развлекая, нас
ты бросил в Ниагару?
– Не делай впредь того, чудак, –
сказал Андрюша важно. –
Что нужно будет – где и как, –
тебе с Панасом скажем.
Не смей соваться за рубеж
с инопланетной меркой –
иначе мир нарушишь меж
Россией и Америкой.
– Пускай, – последовал ответ, –
Не будет с нею лада.
Такой державы больше нет,
и так ей, в общем, надо...
– Ты уничтожил континент?!
– Я сделал вспять движение
и на него вступил в момент
испанского вторжения.
Мне дали хлеб, питье и кров:
за то учил индейцев,
как сбросить в море Писсаро,
творящего злодейства.

С наукой к ним пришёл задор...
И, право, не случайно
потом решительный отпор
был дан и англичанам...
– Выходит, ты, – сказал Панас
с почтением и чувством, –
индейцев от испанцев спас,
а миру – их искусство?

– А как, – Андрюша говорит, –
теперь зовётся материк,
земля за океаном?

А тот:

– Колумбитланом.

Хотите на него взглянуть?

– С тобой в любой, хоть Млечный, путь, –
ребята дружно встали. –

Опять на сеновале?

– Друзья мои, давно пора
открыть глаза пошире,
понять, что с самого утра
живёте в новом мире.

Что рыбаки? Раскрыли рты,
невольно снова сели:
и впрямь – ни банной тесноты,
ни сумрака, ни сена.

Под ними губчатый диван;
среди стрельчатого зала
исходит мраморный фонтан
прохладой опахала.

– Итак, летим в Колумбитлан? –
щелкнув слегка перстами,

спросил Седой. – Электроплан
нас в миг туда доставит.
И аппарат, и лётчик-ас
ждут вашего сигнала.
– Летим! – ответили Панас
и друг его бывалый.

Все трое вышли из палат,
за угол завернули;
и точно – видят аппарат
прозрачный в виде пули.
Садятся в кресла. Аппарат,
водителю покорный,
взмывает в небо, как снаряд,
что он являл по форме.
Летели. Синий океан
о крылья чаек бился.
Тут материк Колумбитлан
из пены появился.
Затем из недр материка
невиданно огромный
поднялся дуб под облака
с раскидистой кроной;
свисали со стальных ветвей
жилища человечьи...

Молчал Панас, молчал Андрей,
лишившись дара речи.

– Друзья, то город Атлантат –
столица континента! –
ребятам доложил Всеяд,
не упустив момента. –

То в виде поднятой руки,
то башни, то спирали –
тут города и городки,
о скалы опираясь,
стремятся кверху, в небеса
(потребность, а не шалость),
чтоб люди, звери и леса
друг другу не мешали;
чтоб в люльке привыкал малец
к простору, к выси неба;
чтоб больше было наконец
земли под злаки хлеба.

– Давайте приземлимся тут, –
Панас промолвил. – Кстати,
посмотрим, как они живут,
индейцы в Атлантате.

– Чего нельзя, того нельзя, –
сказал Седой печально, –
поскольку на Земле, друзья,
я неофициально.

Держусь я дальше от людей,
скитаясь по планетам:
нигде непрошенных гостей
не жалуют приветом...

– Неправда, – возразил Панас. –
Такого быть не может...

Ты ж ходишь баловнем у нас,
а мы ведь люди тоже.

Так что назад слова возьми...

Всеяд, смеясь, ответил:

– Чуть позже будете людьми.
Пока вы просто дети.

Я тоже мал, хотя и сед...

– В какой пошёл, не скажешь?

В десятый?

– Нет.

– В четвёртый?

– Нет.

Я ведь не школьник даже.

Друзья переглянулись; им
немного стало жутко.

– Я догадался по твоим
довольно смелым шуткам,
что ты пацан, – сказал Панас. –
Повеселились знатно.

Поди, родные ищут нас.

Рули, Седой, обратно.

Там, на Плеядии твоей,
и ты, небось, потерял.

Ты долго на Земле людей
пробыть ещё намерен?

– Должно быть, считанные дни...

– Но, прежде чем убраться
домой,

Америку верни
назад американцам.

Пускай, как совесть им велит,
живут народы Штатов
во имя здравствующих Смит
и памяти Саманты.

9.10.1985

Саманта Смит

В далеких восьмидесятых не было на всей планете более знаменитого ребенка, чем эта худенькая американская провинциальная девчушка, чей визит «в гости к Андропову» стал началом конца холодной войны.

Нынешним детям и подросткам, а, впрочем, и даже более старшим это имя действительно ничего не говорит. А эта десятилетняя девчушка из штата Мэн, отчаянно боявшаяся (впрочем, так же как и её сверстники по обе стороны «железного занавеса») ядерной войны,

написала письмо генсеку Андропову, только что сменившему Брежнева на этом посту. И Андропов ответил и даже пригласил Саманту в СССР. В июне 1983 Саманта с родителями приехала в СССР. Американцы изучали Союз, а весь Союз изучал удивительное американское семейство. И непонятно, кто – с большим интересом. Страна очумело смотрела программу «Время», читала газеты и... И понимала, что эти живые, настоящие американцы не имеют ничего общего ни с нашими пропагандистскими, ни с «ихними» голливудовскими штампами. Они же как мы!? – обалдело удивлялся Союз...

Её поездка стала не только началом того, что в годы перестройки получило название «народная дипломатия». Визит этой маленькой американки порвал в клочья «железный занавес» и стал началом конца «холодной войны». Ибо война в первую очередь проходит в сердцах и душах людей, а её обезоруживающая улыбка растопила лед непонимания...

Увы, вскоре жизнь Саманты оборвалась.

25 августа 1985 она погибла в авиакатастрофе. Саманте было 13 лет.

Она так и осталась навсегда ребёнком и стала звездой – её имя носит одна из малых планет. Может быть даже та, по соседству с которой находится планета Маленького Принца. Возможно, они ходят друг к другу в гости и с интересом смотрят, как мы там, на Земле?

Оглавление

Минута.....	4
Новый вариант старой сказки о колобке ...	6
Человек с портфелем.....	7
Сказка о детстве	9
Малыш и бурундук	11
Гудроновый мир	12
Сибирский форпост.....	15
ВСЕЯД ИЗ ПЛЕЯД	16

Тираж 50 экз.